

ной лирической поэзии связано с религиозным культом, утверждение о близости „Слова о полку Игоре“ к поэзии северных скальдов и Оссиану, утверждение о том, что жанры торжественной лирики „площадных или простонародных слов себе не позволяют, разве в таком роде будут писаны“ и т. д.¹

Важно отметить, однако, не ошибки Державина, которые, как уже сказано, во многом объясняются условиями времени, а сильную сторону в оценке Державиным основных особенностей древнерусской поэзии и в определении той роли, которую эта поэзия наряду с былинным эпосом и фольклором вообще должна была занять в литературной жизни эпохи.

В „Рассуждении о лирической поэзии“ Державин, помимо ошибочного положения о религиозно-культовом происхождении торжественной лирики, высказывает ряд правильных и ценных суждений об огромном общественном значении поэзии у различных народов, начиная с самых ранних ступеней их общественного развития, о появлении поэзии „на стогнах народных“ и „народных собраниях“, а также о переходе ее в „круги семейств“.² Подразумевая „Слово о полку Игоре“, он пишет: „Славяно-русский баян изображает ратное воспитание и ревность свою к службе князя, что на конце копья он взлелеян, доспехами повит и вычерпает шлемом своим быстрые реки. Словом, всякий древний народ, а особливо северные, воспевая свои подвиги и свои упражнения, изъяснялись, относительно чувств своих, в их гимнах и одах своим образом; ставили славу свою в героических своих песнях, гордились ими, и, не имея их, почитали себя несчастливymi“.³

В этом отрывке содержится не только верное указание на героический характер древней поэмы об Игоре-вом походе, но также и указание на ее самобытность (всякий древний народ „изъясняется“ в песнях „своим образом“).

В „Рассуждении о лирической поэзии“ весьма любопытным является также место, в котором Державин затрагивает вопрос о том, какую пользу может извлечь современный ему писатель из народной и древнерусской поэзии, к которой поэт применял неудачное, но широко распространенное в то время название „славянское баснословие“.

„У нас, — пишет Державин, — из славянского баснословия, сказок и песен древних и народных, писанных и собранных господами Поповым, Чулковым, Ключаревым и прочими в так названных книгах: Досугах, славянских сказках и песенниках, много заимствовать можно чудесных происшествий. Сочинитель опер и трагик могут одно и то же содержание обрабатывать, представляя знаменитые действия, запутанные противоборющимися страстями, которые оканчиваются какими-либо поразительными развязками торжественных или плачевных приключений“.⁴

В дальнейшем ходе рассуждения Державин объясняет также и то, почему автор опер в заимствованиях из народного эпоса и фольклора поставлен в более свободное и выгодное положение по сравнению с автором трагедии.

Таким образом, мы можем сказать, что в своем стремлении оживить литературу здоровыми элементами, заимствованными как из древней, так и из современной народной поэзии, Державин обнаружил широту

¹ Сочинения Державина. . . . т. VII, стр. 516—522, 592.

² Там же, стр. 520—521.

³ Там же, стр. 522.

⁴ Там же, стр. 603.